

А.Г. ЭФЕНДИЕВ, Е.С. БАЛАБАНОВА, П.С. СОРОКИН

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ: ОПЫТ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ СЕЛ В БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ЭФЕНДИЕВ Азер Гамидович – доктор философских наук, директор Центра исследования социальной организации бизнеса факультета бизнеса и менеджмента Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (efendiev@hse.ru); БАЛАБАНОВА Евгения Сергеевна – доктор социологических наук, заместитель директора того же центра (balabanova@hse.ru); СОРОКИН Павел Сергеевич – кандидат социологических наук, старший преподаватель того же университета (psorokin@hse.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ социальных институтов как системообразующих для функционирования общества феноменов. Авторы обосновывают необходимость уяснения диспозиции «социального института» в системе основных понятий социологии, закономерности их изменений и развития. Рассматриваются базовые характеристики институтов как системы обязывающих взаимодействий. Анализируются основные их элементы, правила игры и механизмы, обязывающие акторов к желательному поведению. Принципы институционального подхода реализованы на примере эмпирических исследований в селах Белгородской области в 2000 и 2013 гг. При этом особое внимание уделено взаимодействию ценностно-культурных и принудительно-практических механизмов в процессах институциональных изменений. Авторы на основе панельного эмпирического исследования рассматривают в качестве одной из моделей социальных изменений опережающую и определяющую роль институциональных изменений и «догоняющей» роли «культурных» регуляторов в формировании новых образцов поведения в условиях коренных преобразований общества.

Ключевые слова: социальные институты • институциональные изменения • социальные взаимодействия • социальные практики • российское село • панельные эмпирические исследования

Одна из главных тайн, которую хранит социальная жизнь, – это способность социальных систем существовать десятилетия или даже столетия, несмотря на то что состав их участников неоднократно меняется. Речь идет об исследовании системообразующих феноменов, имеющих фундаментальное значение для функционирования общества, делающих общественную жизнь упорядоченной, имеющей неодолимые тенденции и логики развития. Такими системообразующими для общества феноменами выступают социальные институты. Категория «социальный институт» не утрачивает значения главного инструмента доказательного социологического познания [Четверникова, 2012, Шабанова, 2006, Кирдина, 2015], несмотря на наметившиеся в современной научной практике негативные тенденции их анализа как в России [Эфендиев и др., 2015], так и за рубежом [Meyer, 2010].

Социальные институты как социальное явление. Классическая социология считала проблему институтов центральной. Это проявилось в трудах Э. Дюркгейма, где

социальное рассматривалось как «*causa sui*», т.е. обладающее силой естественной необходимости, независимости от желания конкретных людей.

Сегодня основным объектом исследований являются феномены, в первую очередь, ценности и установки. За рамками изучения остаются фундаментальные явления: социальные институты как ключевая проблем социологического познания.

В исследовательской практике понятие института используют для обозначения разных и по природе, и по масштабу явлений [Schneiberg, Clemens, 2006]. У одних авторов институт – это любое более или менее устойчивое явление общественной жизни [Шабанова, 2006]. У других – явление, имеющее макромасштабное измерение [Норт, 1997: 18–20], рассматривающие институты преимущественно как культурный конструкт, в основе которого лежат желательные ценности, жизненные приоритеты, нормы [Meyer, 2010], и как особый вид социальных взаимодействий, элемент социальной реальности, в котором ценности, нормы присутствуют в «снятом», уже «объективированном» в деятельности людей виде [Эфендиев, 2000].

Социальные институты имеют различные масштабы функционирования. Ведущую роль играют макроинституты и их изменения. Они обеспечивают общую логику функционирования, правила игры, регулирующие важнейшие аспекты взаимодействий акторов в сфере экономики, политики, образования. Следует согласиться с мнением, что доказательное социологическое эмпирически достоверное познание реальных проблем функционирования и развития институтов требует изучения процессов на уровне реальных практик [Кирдина, 2015]. Мы же рассматриваем социальные институты как особый вид реальных, практически осуществляемых социальных взаимодействий. При таком подходе институты представляют собой комплексы, обеспечивающие потребности общества. Система институтов является «каркасом», в котором коренятся социальные формы, очерчивающие области реально существующих альтернатив для поведения акторов.

Процесс восхождения «от абстрактного к конкретному» при нашем анализе повседневно осязаемых явлений социальной жизни как конечных объектов познания, выявляет «узловые» точки: 1) социальная реальность; 2) социальное взаимодействие; 3) социальные институты.

Социальная реальность включает в себя широкий круг повседневно осуществляемых действий. Среди этого разнообразия особое значение приобретают устойчивые, явления, события – *социальные взаимодействия*. Мы понимаем их как воспроизводимые социальные связи, базирующиеся на определенных стандартах поведения, нормах взаимоотношений между акторами.

Понятие «*социальные институты*» существенно же «*социальных взаимодействий*». В «*социальные институты*» мы не включаем, во-первых, элементы традиционно-шаблонной регуляции: практические обычаи, мода, обряд, ритуал, церемония, этикет, манеры поведения, привычки. В противном случае тенденция институционального направления в экономике рассматривать любые устойчивые правила поведения как институты [Шабанова, 2006: 68] позволяет относить к ним «институт празднования дня рождения», «институт налогового декларирования» и т.п. вплоть до «мытья рук перед едой» [Клейнер, 2004: 19, 22, 49].

Во-вторых, в круг социальных институтов, на наш взгляд, не следует включать приятельские отношения, соседство, дальние родственные связи. Хотя следует признать подвижность границ между социальными институтами и неинституциональными формами социальных связей и отношений. Например, в ранних обществах обычай имеет силу социального института. Соседство у одних народов утратило черты института, у других сохранило их. То же самое с дальними родственниками, не говоря уже о религиозных традициях. Традиции, обычаи, играют определенную роль, например, в поддержании идентичности. Вместе с тем контроль над выполнением таких правил

носит малообязывающий характер. Решение о том, следовать этим правилам или нет, остается на усмотрение социального субъекта.

С целью обеспечения *гарантий* взаимодействий человечество выработало специальный механизм – «социальные институты». Эти гарантии, с одной стороны, коренятся в *обязывающей* силе, которая проявляется в способности *принудить* актора к выполнению ожидаемых «правил игры». С другой стороны, эти гарантии предполагают *обезличенность* требований к любому участнику взаимодействий, наличие деперсонифицированных правил поведения.

Отметим еще один существенный момент: институт – это система, организующая интеракцию большого числа единичных индивидов. Не случайно М. Вебер подчеркивал его значение именно как коллективной (а не межличностной) формы организации социальной жизни [Вебер, 1990: 537]. Функционирование институтов независимо от персонального состава участников, их индивидуальных способностей и желаний, обеспечивает высокий уровень предсказуемости поведения и становится основой устойчивости социальных взаимодействий.

В контексте нашего понимания социальных институтов и их роли в общественном устройстве, ключевым элементом социальной жизни выступает *институциональная социальная практика*. Она включает в себя устойчивые, повторяющиеся типы социального поведения, реально существующие в рамках того или иного института.

Остановимся на анализе основных элементов институтов – «правил игры» и механизмов, обязывающих акторов к их выполнению. В социальной жизни реализуются два основных типа *«правил игры»*: 1) моральные нормы, нравственные стандарты поведения; 2) административно-юридические нормы. В качестве ресурсов, принуждающих актора к желательному для института поведению, выступают: добровольное (внутреннее) признание актором разумности и необходимости того или иного порядка вещей (назовем этот ресурс легитимностью «правил игры» и внешнее воздействие на актора. Отмеченные ресурсы представляют собой внутренне противоречивые многосложные феномены.

Легитимность выступает как решающий ресурс процесса функционирования и изменения социальных институтов. Углубляя существующие в мировой литературе взгляды [Meyer, 2010; Норт, 1997], мы рассматриваем легитимность желательного для института поведения в трех формах: *абсолютно необходимой, предпочтительной или отсутствующей*.

В основе абсолютной (безусловной) легитимности лежит последовательно позитивное морально-ценностное отношение актора к порядкам, которые устанавливает институт. Ее противоположность – отсутствие легитимности – не признает предлагаемые правила игры ценными, разумными, необходимыми. Промежуточное состояние легитимности – «желательно, но допустимо и иное» – раздвигает рамки социального порядка. Вопрос в том, что считать «допустимым», насколько «допустимое» несет угрозу институциональному порядку?

Есть еще один аспект рассмотрения легитимности – единодушие, массовость признания институциональных порядков. Присоединимся к мнению, что современная социология не уделяет внимания становлению легитимности как основы институционального функционирования и механизмам принуждения (*enforcement'a*) в этом процессе [Schneiberg, Clemens, 2006]. Современная западная социология тяготеет к позиции, согласно которой легитимность всякого относительно устойчивого социального явления априори разделяется подавляющим большинством акторов [Meyer, 2010]. Такой взгляд можно отчасти объяснить стабильностью и эффективностью демократических процедур в развитых обществах, где социальные практики, действительно, соответствуют желаниям большинства населения. Однако это не снимает проблему ограниченности данного подхода. Как будет показано на примере эмпирического исследования

ниже, легитимность может выступать не только причиной, но и следствием институциональных социально-экономических преобразований.

Условно можно выделить следующие уровни легитимности: а) признание элитами, высокоресурсными группами необходимости соблюдать определенные правила игры («легитимность элит»); б) признание рядовыми членами общества необходимости, разумности предлагаемых институциональных правил («легитимность рядовых»); в) «всеобщая» (солидарная) поддержка институциональных норм («солидарная» легитимность»), когда правила игры признаются большинством – как элитой, так и рядовыми.

Обеспечивая высокую предсказуемость поведения акторов и устойчивость взаимодействия, институты обладают ощутимой инерционностью. Их несомненные преимущества оборачиваются недостатком – трудноизменяемостью. Постигание основных закономерностей изменения социальных институтов – сегодня практически востребованная и сложная в научном отношении проблема. Исходным пунктом понимания процессов изменения для нас является признание того, что для эмпирической верификации предложенной теоретической модели ресурсы легитимности и принуждения в процессе осуществления институциональных правил игры находятся в сложном взаимодействии.

Отличие представленной теоретической модели от большинства современных институциональных теорий [Schneiberg, Clemens, 2006] заключается в том, что она не только уделяет внимание формированию легитимности как базовому условию существования институтов, но и допускает опережающую роль «принуждения» в этом процессе. Существует, как минимум, две модели становления новых институциональных социальных систем:

1) новая институциональная практика есть *результат* произошедших ценностно-моральных сдвигов, затронувших все слои общества;

2) новая институциональная практика *опережает* процесс формирования новой легитимности. Новый порядок, законы и правила вводятся и реализуются при опоре на властно-принудительные ресурсы. Их легитимация происходит *под воздействием* новой институциональной практики.

Итак, центральная проблема развития институтов – соотношение ценностно-моральной легитимации и практики на этапе становления новых институтов, в основе которых, в конечном счете, лежит фундаментальная проблема соотношения общественного сознания и социальных практик.

Методика исследования социальных изменений сельской жизни. Проведенный нами *теоретико-аксиоматический* анализ социальных институтов потребовал эмпирической верификации. Теоретическому осмыслению способствовали результаты исследований, проведенных в селах Белгородской области в 2000 и 2013¹ гг. Выбор «сельской» эмпирической базы для анализа не случаен. Именно неадекватные «правила игры», «институциональные ловушки», а вовсе не «лежащие на поверхности» ограничения экономического характера, являются истинной бедой российского сельского хозяйства [Балабанова и др., 2005; Калугина, Фадеева, 2009; Фадеева, 2015].

Изучение широкого комплекса социальных последствий пережитого российским селом «трансформационного перехода» обеспечивалось, прежде всего, панельным характером данного проекта. Исследовались две непересекающиеся выборки: сплошная выборка домохозяйств и квотная выборка (только) трудоспособных жителей в 2000-м и в 2013-м гг. в одних и тех же селах, по единым методикам, единым принципам выборки.

---

¹ Сбор эмпирических данных 2013 г. был проведен при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

И в 2000-м, и в 2013-м гг. для проведения массового исследования были подготовлены два типа инструментария: стандартизированное интервью домохозяйств (исследование «Белогорье-1» – опрошено 500 домохозяйств в 5 селах) и анкета, заполнявшаяся в ходе интервью 897 трудоспособными жителями в 9 других селах. В основу выборки исследования 2013 г. были положены объекты и принципы исследования 2000 г. (что является условием сопоставимости результатов). Полученные из официальных органов статистические данные были (как в 2000, так и в 2013 гг.) крайне скудны. В исследовании «Белогорье-1» эксперты помогли нам определить 5 сел в различных районах Белгородской области, отличающихся уровнем развития сельскохозяйственного производства, в которых методом сплошной выборки были исследованы все 500 домохозяйств. Выборка же исследования «Белогорье-2» (2000) обосновывалась как на основе показателей исследования «Белогорье-1», так и данными официальной статистики. Та же схема была положена в основу подготовки выборки исследования «Белогорье-1» и «Белогорье-2» в 2013 г.

Изучение белгородских сел нас интересует, прежде всего, в общесоциологическом аспекте как эмпирическое доказательство теоретической модели институциональных изменений, предполагающих опережающее значение практики, которая становится не следствием, а причиной ценностно-нормативных изменений. Повторимся, мы рассматриваем данную модель как одну из возможных. Оговоримся, что большинство эмпирических аргументов о социальных институтах основываются или на бесспорных фактах истории, или на проведенных локальных исследованиях, как, например, в исследовании М. Грановеттера о «слабых» и «сильных» связях [Грановеттер, 2009].

Российское село: штрихи новой социальной реальности. В изученных селах Белгородской области произошла глубокая трансформация институциональной основы социально-экономической жизни. За 2000–2013 гг. в результате упразднения колхозного производства, создания агрохолдингов коренным образом преобразовалась социальная структура. Доля сельских жителей, занятых в сфере аграрного производства, резко сократилась (с 69% трудоспособного населения в 2000 г. до 28% в 2013 г.). Увеличилось число лиц, занятых на предприятиях в городе – до 16% трудоспособного населения. Произошел рост работников бюджетной сферы и коммерческих предприятий несельскохозяйственного профиля. Сформировалась такая прослойка населения, как индивидуальные предприниматели (сегодня это около 6% трудоспособных). Социальная гомогенность российского села ушла в прошлое.

Изменился уровень материальной обеспеченности. Семьи, обладающие необходимыми санитарно-бытовыми условиями, централизованным отоплением, легковыми автомобилями, стали массовым явлением. Так, в 2000 г. 28% домохозяйств имели легковые автомобили (без семей пенсионеров – 43%), в 2013–58%, а без семей пенсионеров – 73%. Отметим, что эти показатели разительно контрастируют с данными об обнищании, деградации, люмпенизации сельского населения в результате проведенных реформ [Калугина, Фадеева, 2009; Нечипоренко 2009].

Особую роль в преобразовании сел сыграли агропромышленные комплексы. Они привнесли в жизнь селян высокоэффективное сельскохозяйственное производство индустриального типа. Появился частный собственник (агрохолдинг), «рублем» заинтересованный в эффективном труде своих работников, обеспечивающий их гарантированной заработной платой. Индустриальный тип производства неразрывно связан с дисциплинирующими практиками. Аналогичные эффекты – разрыв «порочного круга» патернализма, жесткие требования к дисциплине, формализация отношений работника с предприятием, характерные для «корпоративно-предпринимательского» уклада в сельском хозяйстве – были отмечены, например, в селах Новосибирской области

[Фадеева, 2015]. На наш взгляд, это подтверждает ранее высказанные предположения об экономической эффективности крупных сельхозпредприятий с высокой степенью концентрации собственности [Балабанова и др., 2005].

Преодоление негативных социальных практик. Такие негативные социальные практики, российского села, как хищения и пьянство, которые, как неоднократно отмечалось [Фадеева, 2015], серьезно омрачали жизнь российских сел на протяжении многих десятилетий.

В исследовании 2000 г. в хищениях на работе признавался каждый второй [Эфендиев, Болотина, 2002]. Для большинства сельского населения было лишь одно существенное ограничение – доступ к соответствующим ресурсам.

При этом хищения нельзя было объяснить только сугубо материально-экономическими причинами, низким уровнем жизни. Люди были склонны воровать и тогда, когда жили более или менее благополучно. Более того, существовавшие отношения «распыленной» собственности реорганизованных сельхозпредприятий подталкивали к такому поведению не только рядовых работников, но и самих руководителей хозяйств [Балабанова и др., 2005]; «паразитический симбиоз» сельхозпредприятий и работников был выгоден руководителям, поскольку позволял держать работников «на крючке», удерживать свою личную власть над ними [Фадеева, 2015]. Таким образом, хищения были практически осуществляемой нормой трудовой деятельности, а значит это – институциональная проблема, которая определяется принятым порядком вещей.

Второе доказательство институционально-устойчивой природы хищения заключалось в семейных традициях – сильнейшем факторе сохранения этой практики. В исследовании 2000 г. среди тех, чьи родители «не воровали и осуждали воровство», признавались в воровстве 35%; чьи родители «воровали, но детей не вовлекали», – 66%. Среди же тех, чьи родители «вовлекали детей», занимались воровством уже 83%. Способность этого явления к межпоколенной трансмиссии – один из главных признаков самовозобновляемости, институализации, приобретения эффекта объективности.

Данные исследования 2013 г. позволяют утверждать, что, благодаря жесткому контролю над работниками со стороны охранников, хищения с предприятий агрохолдингов как массовое явление прекратило свое существование. Если в 2000 г., по мнению 34% исследованных домохозяйств, сельские жители «очень часто» подворовывали, то в 2013 г. отметили, что это происходит «регулярно», лишь 4%.

Ситуация со вторым традиционным недугом российского села – пьянством, – по мнению сельчан, за последние годы также претерпела ощутимые изменения. В исследовании 2013 г. респондентам было предложено ответить на вопрос: «Как было и как стало в жизни вашего села? Насколько часто возникали следующие ситуации 10–15 лет назад и сегодня?» Как видно из ответов, в исследованных белгородских селах пьянство на работе стало скорее исключением (было очень часто – 19%, стало – 7%). Что же касается пьянства в быту, то оно, в целом, также снизилось (было очень часто – 14,6%, стало – 5,8%).

Итак, можно констатировать качественное изменение ситуации с хищениями и пьянством на работе как социальными практиками. Но можно ли сказать, что уничтожены социокультурные корни воровства и пьянства, что перелом произошел не только в социальной практике, но и в духовно-нравственных представлениях сельских жителей? Сформирована ли новая легитимность, которая осуждает воровство и пьянство как неприемлемые социальные явления? Респондентам было предложено дать оценку описанным ситуациям, фиксирующим типичные нравственно-проблемные явления повседневной сельской жизни.

Несомненный рост в 2013 г. по сравнению с 2000 г. доли сельских жителей, считающих воровство принадлежащего предприятию имущества абсолютно неприемлемым говорит о наличии позитивной динамики в процессе формирования новой легитимности, особенно по тем сюжетам, где ощущается реальный институциональный контроль, наличие санкций.

Что же стимулирует или затрудняет процесс формирования новой легитимности? Наш анализ не выявил значимых связей практик с уровнем жизни, возрастом, полом респондентов. Однако попустительское отношение к хищениям характерно для тех, кто напрямую не связан с агрохолдингами, дисциплинирующие практики которых создают условия для новой легитимности.

Пьянство всегда представляло собой камень преткновения не только в социально-экономическом, но и духовно-нравственном отношении. Речь идет о снисходительном отношении к пьянству как нежелательному, но вполне допустимому явлению, заниженной оценке его вреда. Однако благодаря кардинальному изменению институциональных условий существования сельских жителей, произошел перелом в области нравственной оценки пьянства. Реальная распространенность данного явления, как мы отмечали выше также существенно снизилась.

Проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие **основные выводы**. Снижение распространенности негативных социальных практик, прежде всего, объясняется тем, что трудовая сфера сельской жизни претерпела коренные институциональные изменения. В основе этих изменений – упразднение колхозов и формирование на их базе агрохолдингов. Возникла новая трудовая институциональная среда, обеспечившая высокий контроль над дисциплиной работника и преодоление хищений и пьянства. Были получены данные, свидетельствующие об опережающей и определяющей роли институциональных изменений в формировании новых образцов трудового поведения и духовно-нравственного осмысления этих социальных практик.

Исследование выявило, что изменение практического поведения актора в рамках новой институциональной среды идет быстрее, чем формирование ценностно-нравственной легитимности этих правил. Это процесс достаточно длительный, противоречивый, инерционный. Существенную роль в формировании новой трудовой этики играют механизмы межпоколенческой трансмиссии.

Формирование новой легитимности происходит более активно относительно институтов хозяйственной деятельности, непосредственно регулирующих трудовое поведение актора; менее активно, более противоречиво – во внетрудовом поведении сельских жителей. Это одно из проявлений отставания процесса духовно-нравственного признания новых порядков от изменений практики институциональных взаимодействий. Там, где произошли глубокие институциональные изменения, наблюдаются и подвижки реального поведения и духовного мира сельского жителя.

В отличие от представленных в отечественной и зарубежной литературе «реалистских» (рационалистических) интерпретаций категории «социальный институт» [Ingram, Clay, 2000], предложенная нами концепция подчёркивает ситуацию расогласования между социальной практикой, установившимися «правилами игры» и доминирующими «индивидуальными стратегиями». В каждый отдельно взятый момент институциональных взаимодействий человек поступает не так, как он желает, а как диктуют ему конкретные институциональные правила и контроль. В ведущих жизненно важных сферах общественной жизни между личностью, ее внутренним миром, ценностными ориентациями и реальным поведением, поступками, лежат институциональные порядки, обязывающие актора к определенному поведению.

Результаты исследования показывают, что именно институциональная практика формирует, закрепляет и воспроизводит реальные мотивации поведения людей и что их изменение выступает движущей силой развития и закрепления ценностных ориентаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балабанова Е.С., Бедный А.Б., Грудзинский А.О. Концентрация собственности в сельском хозяйстве – путь становления эффективного предприятия // Социологические исследования. 2005. № 4. С. 69–78.
2. Вебер М. Избранные сочинения. М.: Прогресс, 1990.
3. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4. С. 31–50.
4. Кирдина С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 51–59.
5. Ильенков Э.В. Проблема абстрактного и конкретного // Вопросы философии. 1967. № 9. С. 55–65.
6. Инглхарт Р. Распутывание связей между культурой и институтами на примере эмансипации человечества // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 4. С. 12–43.
7. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск: Ин-т ИЭиОПП СО РАН, 2009.
8. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
9. Нечипоренко О.В. Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация? // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 57–66.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
11. Фадеева О.П. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / Под ред. З.И. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015.
12. Четверикова И.В. Дискуссия об институтах: эволюция идей // Социологические исследования. 2012. № 12. С. 106–114.
13. Шабанова М.А. Экономический и социологический анализ институциональных изменений (возможности интеграции) // Общественные науки и современность. 2006. № 6. С. 65–80.
14. Эфендиев А.Г. Социальные институты: структуры повседневности // Общая социология: Уч. пос. / Под общ. ред. А.Г. Эфендиева. М.: ИНФРА-М, 2000.
15. Эфендиев А.Г., Болотина И.А. Современное российское село: на переломе эпох и реформ. Опыт институционального анализа // Мир России: Социология, этнология. 2002. Т. 11. № 4. С. 83–125.
16. Эфендиев А.Г., Сорокин П.С., Балабанова Е.С. Основные проблемы развития российских и зарубежных социологических журналов // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 36–49.
17. Halaby C.N. Panel models in sociological research: Theory into practice // Annual review of sociology. 2004. Vol. 30. P. 507–544.
18. Ingram P., Clay K. The choice-within-constraints new institutionalism and implications for sociology // Annual review of sociology. 2000. Vol. 26. P. 525–546.
19. Meyer J.W. World society, institutional theories, and the actor // Annual review of sociology. 2010. Vol. 36. P. 1–20.
20. Schneiberg M., Clemens E. The Typical Tools for the Job: Research Strategies in Institutional Analysis // Sociological Theory. 2006. Vol. 24. № 3. P. 195–227.
21. Sutherland L.A. Post-Soviet agricultural employment: A case study of employee incentives in Krasnodar Territory, Russia // Journal of Peasant Studies. 2008. Vol. 35. № 3. P. 369–389.
22. Waldfogel J. The effect of children on women's wages // American sociological review. 1997. Vol. 62. № 2. P. 209–217.